

Новые переводы

VR Мы уже знакомили читателей с этим текстом в оригинальном английском варианте (см. Том 1, № 1). Сейчас предлагаем полный перевод, который готовится к изданию в новой книге «Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу»¹.

Поля, власть и социальные навыки:
критический анализ новых институциональных течений

Нил Флигстин

Университет Калифорнии, Беркли, США

Перевод М.С.Добряковой

Научное редактирование – В.В.Радаев

«Новые институциональные» теории получили широкое распространение в социальных науках. Несмотря на существующие в рамках этих теорий значительные разногласия, все они сходятся на том, что социальные институты порождают локальные социальные порядки и являются социальными конструкциями. Они предусматривают, каким именно образом властные группы устанавливают правила взаимодействия и поддерживают ситуацию неравного распределения ресурсов. При этом, появившись на свет, институты ограничивают действия акторов и одновременно подталкивают их к дальнейшему институциональному строительству. В данной работе представлена критика этих теорий, сфокусированная прежде всего на недостатке внимания, которое они уделяют роли социальной власти и акторов в процессе создания институтов. Предлагается альтернативный взгляд на динамику институтов, основанный на более социологизированном понимании правил, ресурсов и социальных навыков.

Введение

В течение уже почти двадцати лет в социальных науках не ослабевает интерес к тому, каким образом социальные институты (определяемые как правила построения социального взаимодействия) появляются на свет, пребывают в состоянии стабильности и подвергаются изменениям (примеры некоторых трактовок в сфере политической науки см.: March and Olsen 1989; Steinmo et al. 1992; Cox and McCubbins 1993; Krebbiel 1991; Shepsle 1989; в социологии: Meyer and Rowan 1977; Scott 1995; Scott and Meyer 1983; Powell and DiMaggio 1991; Fligstein 1990; Dobbin 1994; в экономической теории: Simon 1957; Williamson 1985; North 1990; Milgrom and Roberts 1992; Jensen and Meckling 1974; Arthur 1988)².

¹ Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу /Сост. и научн. ред. В.В.Радаев. М.: РОССПЭН, 2001 (готовится к печати).

² Данный список работ, разумеется, далеко не полон.

Практически все аспекты этой проблемы вызывают серьезные разногласия – как внутри-, так и междисциплинарного плана. Ученые спорят по поводу того, что понимается под институтами. Одни рассматривают их как сознательно сконструированные правила или законы. Другие – как нормы, т.е. как коллективно устанавливаемые неформальные правила, поддерживаемые санкциями со стороны группы. Третьи видят в них сами собой разумеющиеся смыслы (Scott 1995, гл. 3). Неудивительно, что разногласия вызывает и вопрос о том, как институты возникают и воспроизводятся.

Несмотря на все эти расхождения, авторы различных «новых институциональных» течений следят за работой коллег, что, видимо, можно трактовать как институционализацию «новых институционализмов». Как утверждают Холл и Тейлор (Hall and Taylor 1994), можно условно выделить четыре направления новых институциональных течений: исторический институционализм, институционализм рационального выбора, экономический институционализм и социологический институционализм. Среди социологов наблюдаются значительные теоретические расхождения (см., например: Powell and DiMaggio 1991). Аналогичная раздробленность свойственна и представителям политической науки, и экономической теории, так что перечень новых институциональных течений в принципе мог бы быть сильно расширен.

Учитывая существующие разногласия, можно было бы предположить, что в настоящее время диалог, направленный на критическое осмысление общих черт и различий в этих подходах, вряд ли возможен. Мне же хочется приступить к решению этой проблемы просто потому, что ученые, работающие в различных дисциплинах и имеющие совершенно различные исходные позиции, начали видеть друг в друге людей, пытающихся разрешить сходные проблемы.

Я полагаю, что подобное восприятие отражает четыре момента (не сформулированных, но в глубине души разделяемых), по поводу которых нет серьезных разногласий. Во-первых, все новые институциональные теории исследуют то, как конструируются локальные социальные порядки [local social orders], которые могут быть названы «полями», «аренами» или «играми». Во-вторых, новые институциональные течения основываются на теории социального конструктивизма – в том смысле, что они рассматривают создание институтов как результат социального взаимодействия между акторами, сталкивающимися друг с другом на полях или аренах. В-третьих, предписанные им правила взаимодействия и распределения ресурсов действуют как источники власти, а в сочетании с моделью акторов выступают в качестве фундамента, на котором происходит конструирование и воспроизводство институтов. Наконец, появившись на свет, институты ограничивают действия акторов и одновременно открывают перед ними новые возможности. Актеры, занимающие привилегированное положение, могут использовать институты для воспроизводства своего положения. Все актеры могут использовать существующие институты для поиска новых арен. Актеры, не имеющие ресурсов, чаще других сталкиваются с институциональными ограничениями. Однако при определенных условиях и они могут использовать существующие правила не вполне предсказуемыми способами и создавать новые институты.

Я считаю, что общность позиций среди исследователей существует, поскольку они ненароком возвратились к ситуации, подобной той, когда современная социальная философия впервые охарактеризовала акторов и взаимодействие между ними в оппозиции к старым режимам [anciens régimes] Западной Европы. Центральные идеи

философии «индивидуализма» породили социальные технологии, которые были осознаны акторами и стали использоваться ими для формирования собственной идентичности, коллективной организации и, при определенных условиях, для производства новых институтов. Со времен Локка социальная философия выдвигает аргументы морального характера в пользу построения «честного» и «справедливого» общества при условии, что индивиды рассматриваются в качестве акторов. Институты здесь выступают как социальные конструкции, которые призваны облегчить построение «честного и справедливого» общества, позволяющего актерам достичь поставленных «целей».

Социальная наука подхватила идею социальной философии, сосредоточившись на том, как общество *должно* работать. Однако вместо того, чтобы обратиться прежде всего к вопросам морального характера, социальная наука попыталась найти теоретические инструменты, которые позволили бы социальным актерам приступить к практическому анализу своего положения и, таким образом, понять, перед каким выбором они оказались бы в иных социальных, политических и экономических ситуациях³.

Новые институциональные течения начинались как довольно ограниченная критика попыток теоретизирования по поводу отдельных социальных институтов, предпринимаемых с позиций своего конкретного поля⁴. Исследуя механизмы создания социальных правил в специфических эмпирических контекстах, первоначально ограниченная критика становилась все более широкой. Новые институционалисты начали критиковать господствующую в их полях концепцию акторов и социальных структур. Главная их догадка состояла в том, что формирование и изменение правил, регулирующих взаимодействие на аренах или полях, объясняется специфическими для данного контекста социальными процессами. Именно по этой причине ученые столь заинтересованы в новых институциональных теориях, исповедуемых их коллегами из других сфер. Их озадачивает тот факт, что и другие ученые открывают для себя тот же круг вопросов: как и в силу чего возникают *локальные* социальные порядки и какую роль в этом играют акторы?

Мои основные позиции

Институты – это правила и разделяемые участниками взаимодействия смыслы, подразумевающие, что люди знают об их существовании или что они могут быть осознаны. Институты определяют социальные отношения, помогают установить, кто и какую позицию в этих отношениях занимает, а также направляют взаимодействие, задавая актерам когнитивные рамки или наборы смыслов, позволяющие интерпретировать поведение других. Они интересубъективны (т.е. могут быть признаны другими), когнитивны (т.е. зависят от познавательных способностей акторов) и в

³ Все социальные теории пытаются анализировать то, что «есть» для того, чтобы предположить, что же «могло бы быть» или «должно было бы быть». Одни социальные исследователи считают, что правительство может использовать этот анализ для выстраивания рациональной социальной политики. Другие полагают, что такой анализ осуществляется для того, чтобы показать социальным движениям, как им достичь своих целей.

⁴ «Новые институциональные» течения зарождались в различных областях на пересечении разных дисциплин: в политической науке – это исследования американской политики, международных отношений, истории современного государства и сравнительной политики; в экономике – это исследования ее истории и технологических изменений, а также индустриальной структуры, в том числе рыночной, теории права и организации фирмы. В социологии – это исследования организаций, политики и социальных движений.

какой-то степени требуют саморефлексии со стороны акторов (хороший обзор различных оснований институтов см.: Scott 1995, гл. 3). Конечно же, институты могут воздействовать на положение акторов и при наличии, и при отсутствии их согласия или понимания.

Новые институциональные теории сходятся в том, как воспринимать контекст взаимодействия, порождающего и воспроизводящего институты. Основным источником разногласий между ними заключается в том, как теоретики рассматривают акторов. Я критически отношусь как к социологической модели, так и к модели рационального актора, ибо мне кажется, что им не хватает глубины понимания того, как протекает действие. В свою очередь, я предлагаю социологическую модель, выполненную с позиций символического интеракционизма. Это помогает разрешить ряд проблем, вызванных использованием традиционных моделей акторов в новых институциональных теориях. С точки зрения логики изложения, целесообразно сначала раскрыть мою собственную позицию, а затем перейти к рассмотрению указанных теорий.

Все теории сходятся прежде всего в отношении понятия полей: их называют собственно «полями» (Bourdieu 1977), «организационными полями» (DiMaggio and Powell 1983), «секторами» (Meyer and Scott 1983), «полями стратегического действия» (Fligstein and McAdam 1994) или «играми» (Axelrod, 1984). В экономической теории понятия полей соответствуют существующим взглядам в рамках индустриальной организации (Gibbons 1992). Поля отражают ситуации, когда организованные группы акторов собираются и совместно определяют свои действия. Новые институциональные теории рассматривают то, как эти поля действия возникают, стабилизируются и трансформируются. Производство правил, действующих на социальной арене, – это и есть создание институтов⁵. Институционализация представляет собой процесс, посредством которого правила из абстракций превращаются в конституирующие элементы повторяющихся моделей взаимодействия в пространстве полей (Jepperson 1991)⁶.

Почему акторы заинтересованы в выработке стабильных моделей взаимодействия? Я считаю, что процесс построения институтов происходит в контексте, когда власть имущие акторы пытаются производить правила взаимодействия, направленные на стабилизацию своего положения, в условиях противостояния другим акторам, обладающим большим или меньшим объемом власти. Поля работают таким образом, чтобы способствовать воспроизводству привилегированной позиции господствующей группы [incumbents], а также определять позицию тех, кто пытается изменить status quo [challengers]⁷. Существование полей приносит наибольшую выгоду господствующим

⁵ В современных обществах в рамках государств действуют поля, где вырабатываются, а затем проводятся в жизнь общие правила. Поля за пределами государств организуются в соответствии с общими правилами, принятыми в обществе, и локальными правилами, возникающими в результате взаимодействия групп в рамках этих полей.

⁶ Это важное различие. Законы могут (преднамеренно или нет) создавать новые поля. Практики могут заимствоваться из других полей. Любой из предпосланных институтов может использоваться акторами для оформления взаимодействия. Этот процесс институционализации отличается от первоначального производства законов или практик и в каком-то смысле даже ортогонален ему. В процессе взаимодействия друг с другом акторы могут в результате выстроить поле, незапланированное теми, кто специально занимался конструированием данного института.

⁷ Под господствующими группами [incumbents] понимаются группы, доминирующие в данном

группам, однако же и группы нацеленных на изменения [challengers] в каком-то смысле выигрывают от этого: у них есть стабильность, хотя их выживание обеспечивается при более низком объеме ресурсов⁸.

Возникновение институтов происходит в такие моменты, когда группы социальных акторов начинают противостоять друг другу в проблемных ситуациях социального взаимодействия. Эти моменты – по сути своей политические [inherently political]. Они связаны с борьбой между группами, обладающими различным объемом власти в отношении дефицитных ресурсов. Иными словами, подходящие моменты для строительства институтов возникают тогда, когда существующие группы переживают кризис (или, на языке теории игр, занимают не оптимальную позицию), либо при попытках выстроить стабильные взаимодействия, либо когда имеющиеся правила перестают отвечать их намерениям.

Существует несколько способов построения стабильных институтов. Например, одни группы начинают доминировать и навязывать наборы правил и отношений другим группам. Или порядок может определить внешняя сила, например, правительство, которое отводит привилегированные позиции себе или наиболее приближенным группам. Иногда группы формируют политическую коалицию с целью переговоров по поводу условий, которые обеспечат правила, выгодные их участникам. Если ситуация достаточно изменчива и появляется множество различных групп, не исключено, что наиболее квалифицированные социальные акторы помогут группам преодолеть существующие между ними различия, предложив новую идентичность для данного поля. Важно понимать также, что институциональное строительство может оказаться неудачным: разрозненные интересы и несовпадающие идентичности групп могут воспрепятствовать появлению стабильных институтов.

Одна из наиболее важных идей [insights] «новых институциональных» течений состоит в следующем. Основным источником динамики современного общества являются непростые взаимоотношения между привилегированными группами и теми, кто стремится изменить ситуацию, борьба между господствующими группами в рамках полей и за их пределами, направленная на создание и поддержание полей, а также намеренное и непреднамеренное вторжение на соседние поля как результат этой борьбы. Подобную борьбу можно рассматривать как «игры», т.е. как социальное взаимодействие, направленное на достижение определенных результатов для каждой группы. Возможность открытия новых полей появляется у акторов, использующих уже имеющиеся у них представления об этом. Зачастую их побуждает к этому собственная позиция – будь то группы, нацеленные на изменения, или господствующие группы. В условиях современности возможность улучшить коллективное положение группы может привести к вторжению на соседнее поле или к попытке создать новое.

поле. Те же, кто стремится к изменениям [challengers], – группы аутсайдеров. Эта терминология была использована Гэмсоном для описания организации социальных движений (Gamson, 1974).

⁸ Неоднозначность восприятия возможна здесь по двум причинам. Люди не всегда осознают, что поле непременно связано с властью. Они могут считать, что институты «естественны», и отрицать предположения об их связи с властными отношениями – даже если это очевидно для стороннего наблюдателя. Более того, современная когнитивная психология утверждает, что человеческому разуму свойственно видеть порядок и логику даже в тех ситуациях, когда их может и не быть вовсе. Следовательно, хотя в любом поле игра будет структурирована вокруг властных отношений между группами, ее смысл нельзя свести просто к достижению целей господствующими акторами.

Конструирование полей предполагает тройное использование «культуры». Во-первых, на такое конструирование влияют уже существующие социетальные практики, которые включают законы, определения значимых ресурсов и правил, а также способности акторов использовать организующие технологии (например, технологии создания различных видов формальных организаций). Во-вторых, правила, действующие в каждом поле, – уникальны, они укоренены во властных отношениях между группами и функционируют как «локальное знание» (Geertz 1983). Наконец, в-третьих, для того, чтобы анализировать смыслы действий других, акторы располагают когнитивными рамками, действующими культурные системы координат (фреймы) – подобные тому, что Бурдьё называет «хабитусом» (Bourdieu 1977). Эти системы координат помогают акторам решать, «что происходит» и какие действия они смогут предпринимать по мере дальнейшего развития взаимодействия.

Сформировавшись, поля и определяемые ими социальные позиции ограничивают действия акторов и возможности их выбора. Однако это не означает, что сложившиеся в полях смыслы и неофициальные иерархии никем не оспариваются. В действительности, в стабильных полях действие – это игра с установленными правилами, в которой акторы располагают определенными ресурсами. В случае взаимодействия акторов, обладающих большим или меньшим объемом власти, власть имущие стремятся к воспроизводству существующего порядка.

Современная экономика, государство, формальные организации и социальные движения – все они одновременно являются следствием и причиной организующей технологии, которую мы называем «полями». Я постараюсь убедить читателя в этом, проанализировав, как институты современного общества зависели от акторов, создавались ими и сами производили осознающих свою идентичность акторов, которые, в свою очередь, выстраивали концепции акторов и социального взаимодействия. Именно открытие (или повторное открытие) теории полей заставляет ученых, изучающих рынки, государственных и политических деятелей, представителей формальных организаций пристально следить за работой друг друга в обоюдном стремлении выработать общую теорию институтов.

Подразумевается, что новые институциональные теории подвергают сомнению конвенциональные представления об акторах, делая акцент на том, как коллективные социальные акторы направляют действия в отношении друг друга. Акторы могут иметь цели, однако эти цели должны конструироваться в контексте их общих коллективных ситуаций. Акторы должны присматриваться к другим коллективным акторам, интерпретировать их намерения, предвидеть их дальнейшие действия и убеждать их следовать за собой.

Забавно, но возможность заново осмыслить то, как позиционируются акторы, не привлекла достаточного внимания представителей ни одной из версий «новых» институциональных течений. Существуют две стандартные позиции, и обе они воспроизводят старые подходы к анализу институтов. В модели рациональных акторов подчеркивается, что все они имеют единые [unitary] цели, осознают свою позицию в структуре отношений и располагают некоторой информацией о том, чем занимаются другие. Это позволяет им участвовать в процессе, который в теории игр называется «стратегическим действием» [strategic action] (Gibbons 1992). В более социологизированных версиях институционализма признается, что актор – фигура коллективная, укорененная в социальных отношениях, и эти отношения предопределяют имеющиеся культурные сценарии [cultural scripts]. У акторов нет

иного пути, кроме как следовать предписаниям, которые могут отражать их интересы, ценности, роли или нормы.

Чего не хватает этим теориям, так это подлинно социологической концепции действия. Модели стратегического действия, основывающиеся на теориях рационального выбора, совершенно заслуженно привлекают наше внимание к стратегическому поведению акторов. Однако они не воспринимают всерьез проблемы, связанные с тем, каким образом акторы занимают определенное социальное положение в некоторой группе и как их стратегические действия оформляются в контексте проблем достижения сотрудничества [cooperation]. Среди членов группы могут бытовать разнородные представления об идентичности (о том, кто они такие и чего они хотят) и интересах, которые необходимо как-то уравнивать, чтобы добиться сотрудничества. Восприятие поведения других групп становится неоднозначным, поскольку в силу разнородности представлений смысл их действий становится все более трудно различимым. Выработка собственной реакции требует тщательного культурного конструирования [cultural construction], цель которого – осмыслить действия других, чтобы мобилизовать собственную группу. В решении этой проблемы социологические институциональные течения не продвинулись дальше теорий рационального выбора. Они делают акцент прежде всего на культурных сценариях и структурной детерминированности действия, уделяя мало внимания тому, каким именно образом акторы выстраивают действие [«get» action].

Я утверждаю, что идея о том, что стратегическое действие разворачивается в полях, требует привлечения понятия социального навыка [social skill], определяемого как способность одних акторов склонять других к сотрудничеству с целью производства, опротестования или воспроизводства имеющегося набора правил [Fligstein 1997; Fligstein and McAdam 1994; Joas 1996]. Такой навык состоит в том, чтобы, проявив воображение, идентифицировать себя с другими акторами, понять их ментальное состояние и посредством этого выявить мотивирующие их коллективные смыслы. Владение социальным навыком влечет за собой использование набора методов, помогающих склонить к сотрудничеству как членов собственной группы, так и представителей других групп [Fligstein 1997]. Квалифицированные социальные акторы способны интерпретировать действия других акторов в данном поле. В зависимости от положения своей группы, они оценивают имеющиеся возможности достижения сотрудничества с ними или препятствия, возникающие на пути к его достижению.

В последующей части работы будет показано, что новые институциональные течения рассматривают поля как взаимодействие между коллективными группами с большим и меньшим объемом власти, которое при этом протекает согласно правилам и общепринятым смыслам. Моя основная идея состоит в следующем: ключевая проблема всех этих теорий заключается в том, чтобы выработать такое социально наполненное понятие действия, которое учитывало бы его коллективную природу. Это позволит лучше понять, как поступают акторы в процессе производства и воспроизводства институтов.

Позиционирование акторов в эпоху современности

Хиршман (Hirschman 1997) вполне убедительно доказывает, что наше восприятие акторов в современных условиях можно лучше понять, проследив эволюцию представлений о природе человека в социальной и политической философии от Гоббса до Локка. Согласно Гоббсу, люди действуют по иррациональным причинам, движимые своими «страстями» [passions]. Однако подобный взгляд на человеческую природу стал меняться к концу XVII в. Локк выдвигает идею о том, что акторами движет интерес,

при этом сами они ориентированы на получение выгоды путем осознанного выбора средств для достижения своих целей.

Гоббс и Локк предполагали использовать свою трактовку человеческого действия для обоснования возможной легитимации экономик и правительств⁹. По мнению Гоббса (1991), иррациональная природа людей порождала необходимость существования абсолютного монарха, – способного удерживать их от ведения «войны всех против всех». Для Локка (1988), истинная роль правительства состоит в том, чтобы пытаться разрешить сложную проблему балансирования несовпадающих интересов, не ограничивая чрезмерно естественное право людей их преследовать. Локка особенно интересовала защита прав собственности от несправедливых посягательств со стороны правительств и других организованных акторов.

Эта дискуссия была вызвана событиями в мире политики и торговли, происходившими в Англии того времени. Теория индивида в условиях современности породила три идеи: всякий человек может быть актором (т.е. индивидом, имеющим интересы и способным предпринимать рациональное действие для достижения своих целей); акторы могут принимать коллективные решения относительно правил, определяющих их взаимодействие (т.е. производить институты); наконец, правительства выступают в качестве организаций, которые помогают устанавливать и поддерживать эти правила. Однако вопросы о том, кто в реальности становится актором, какого рода правила устанавливаются и поддерживаются, а также кто для этого должен иметь влияние в правительственных кругах, являлись неиссякаемым источником конфликтов. В результате, возникали многообразные вариации институционального устройства общества¹⁰.

Привилегированные группы использовали ранние государства эпохи современности для обоснования того, что только они являлись акторами или гражданами (Sewell 1994). Однако дискурс индивидуализма и очевидная податливость институциональных образований поставили вопрос о том, кто является актором и гражданином и на какие права они могут претендовать. Идея о том, что всякий человек – актер и гражданин, стала идеологическим лозунгом, объединявшим неимущие слои общества [dispossessed]. Эти слои, особенно организованный рабочий класс, вели кровопролитные битвы за расширение гражданских прав и изменение природы государства и экономики (Bendix 1954).

Современное государство, его политика и экономика, а также современные концепции организации и власти, формировавшие более масштабные порядки, тесно увязаны с решением вопроса о том, кто должен выступать в качестве рационального (т.е. имеющего «цели») актора. На представления о том, кто должен быть актором и каковы его «права», могли оказывать влияние социальные движения. Они обычно определялись как политические процессы, протекающие вне своих обычных каналов (Tarrow 1994)¹¹. Группы, участвовавшие в социальных движениях, были аутсайдерами.

⁹ Или, формулируя иначе, для обоснования того, как следует выстраивать институты [how institutes should be constructed].

¹⁰ Большинство социальных философов, как правило, недооценивало степень податливости институтов по отношению к действиям акторов и, соответственно, пыталось найти их основания в природе человека. Хотя некоторые философы и рассуждали об освобождении людей, большая часть рассуждений была нацелена на обоснование status quo, что по сути означало «натурализацию» уже существующего положения.

¹¹ И политическая наука, и социология отделяли изучение социальных движений от политической социологии. Едва ли в этом есть особый смысл. Социальные движения

Предметом их устремлений было общество, где они выступали бы в качестве акторов и где правительства были бы реформированы так, чтобы учитывать их интересы. Там, где группы стремились к революционным преобразованиям, их целью было построение «государства», в котором права получили бы все те, кто лишен их при нынешнем режиме.

Это не означает, что все люди в равной мере выступают (или когда-либо выступали) в качестве акторов¹². Действительно: пока народ боролся за свое признание в качестве акторов, господствующие группы всегда находили новые способы переопределения ситуации. Действующие законы, существующие правила распределения ресурсов и даже способность определять, какие именно ресурсы имеют значение для получения привилегий, свидетельствуют о том, что повсеместно привилегированные группы с успехом защищали свои позиции (Bourdieu 1988). Эта борьба находит свое отражение в институтах, организациях и правительственных органах США и Западной Европы. Продолжается она и по сей день.

Выводы для социальных теорий

Социальные науки пытались постичь, как люди, позиционированные ныне как акторы, способные действовать и изменять свои жизненные шансы, смогли (или не смогли – если этим вопросом задается социология) это делать. Социальные науки приняли предпосылку философского дискурса периода современности, исходящую из ведущей роли акторов и гибкости институтов [pliability of institutions]. Они попытались создать теории, которые можно было бы приложить к какой-то конкретной ситуации, а затем с их помощью изменить мир¹³.

Это потребовало превращения идеологического утверждения о том, что каждый человек является актором, в теоретическую модель, что позволило использовать эту идею для анализа и прогнозирования происходящего в заданных ситуациях. Один из возможных способов понять развитие логики рассматриваемых дисциплин состоит в том, чтобы поставить данный вопрос как проблему взаимодействия структур и акторов

направлены на открытие новых полей действия, которые позволят трансформировать правительства и организованные политические сферы. На эмпирическом уровне кажется странным выносить за пределы нашего общего политического анализа политику тех, кто пытается организовать новые поля. Если кто-то старается понять существующую политику, то заявлять о том, что способ ее возникновения «не представляет интереса», просто нелепо. С теоретических позиций социальные движения отражают политические процессы в неорганизованных полях. Их исследование, несомненно, должно прояснить некоторые социальные процессы, характерные для формирования полей.

¹² Это также не означает, что каждое западное общество представлено единым набором институтов. В реальной экономической и политической истории этих обществ возникали разного рода компромиссы между политическими коалициями, что приводило к возникновению различных наборов «правил».

¹³ В экономической науке теория используется для формулирования «позитивных» выводов по поводу того, чем может обернуться та или иная организация экономики. И эти выводы имеют «нормативные» последствия для эффективного размещения дефицитных социетальных ресурсов. Некоторые социологи пытались использовать теорию и эмпирические исследования для того, чтобы описать социальные проблемы и предложить меры социальной политики для их разрешения. Других больше интересовали радикальные социальные изменения, и их анализ должен был работать в пользу социальных движений. Политологи, в свою очередь, стремятся использовать теорию для того, чтобы задать общие рамки политического выбора и политических дебатов.

(Giddens 1984; Sewell 1992). Общие теоретические вопросы касаются: степени структурированности выбора акторов при заданных ресурсах; правил, определяющих, что они могут делать; позиции, которую они занимают в данном социальном взаимодействии. Многие воззрения социологической и политологической науки строятся на том, что позиции людей в структурах в значительной мере определяют, что они думают, каковы их интересы и как бы они поступили в данной ситуации. При определении того, что могло (или не могло) бы произойти в той или иной ситуации, эти теории отдают предпочтение структурному анализу.

Альтернативная точка зрения, развиваемая экономической теорией, состоит в том, что хотя ресурсы и правила выступают в качестве источника ограничений, они также открывают и новые возможности. Этим подчеркивается, что акторы сами осуществляют свой выбор и что они действуют в целях обеспечения наиболее позитивных результатов для самих себя. Попадая в определенную ситуацию, акторы оценивают свои ресурсы и предпочтения, а затем выбирают способы действия, направленные на максимизацию этих предпочтений. Поведение акторов можно предсказать несколькими путями. Если они сталкиваются с одинаковыми ограничениями, то вполне логично ожидать, что они поступят сходным образом. Расхождения в результатах их действий могут проистекать только из исходных различий в имеющихся ресурсах или же, при условиях равенства ресурсов, из различия предпочтений. Подобный взгляд разделяется экономической и политической науками и, в меньшей степени, социологией.

Традиционно вопрос о наличии или отсутствии выбора использовался на риторическом уровне для размежевания теоретических областей. При этом социология делала акцент на том, почему у акторов нет выбора, экономическая теория активно обсуждала саму проблему выбора, а политическая наука сочетала оба эти подхода. Однако во всех указанных дисциплинах теория действия в целом была выстроена с относительно структуралистских позиций. Неоклассический экономический взгляд на акторов, максимизирующих прибыль и обладающих жесткими предпочтениями, подразумевает, что в схожих социальных ситуациях люди будут поступать одинаково и действие определяется прежде всего их положением в структуре. В традиционной политической науке или в социологических теориях акторы действовали либо в своих «интересах», как это описывается в плюралистических или марксистских теориях (вполне соответствующих экономическому подходу), либо согласно своим ценностям и нормам, как это представлено в теориях Дюркгейма и Парсонса. Если же «эгоистический интерес» [self interest] в данной ситуации движим ценностями или нормами, то определение различий между экономической и социологической моделями останется нелегкой задачей.

Контекст новых институциональных течений

Все «новые институционализмы» объединяет постановка вопроса о том, что представляют собой структуры и откуда они берутся, а также какую роль в их производстве играют акторы. Все эти теории прежде всего заменяют понятие структур, понимаемых как абстрактные позиции, концепцией структур, в которой они предстают в качестве арен действия. Последние определяются правилами и группами, располагающими, в свою очередь, различными ресурсами и ориентированными на взаимодействие.

Неоклассическая экономическая теория долгое время развивалась, отодвинув в своем анализе рынков на второй план институты и организации. Ее внимание было сосредоточено на том, как максимизирующие прибыль и оснащенные совершенной

информацией акторы могут посредством рыночного обмена осуществлять оптимальное распределение социетальных ресурсов. При таких социальных условиях рынки работают оптимальным образом. Нарушения исходных посылок этой модели приводят к неоптимальным результатам, т.е. к провалам рынка [market failures].

Исследователи заметили два обстоятельства: исходные положения неоклассической модели всегда в той или иной мере нарушались, а организации и правила существовали повсеместно. Это подвело ученых к мысли о том, что организации и правила (т.е. институты) могут помогать справляться с провалами рынка¹⁴. Полемика, на котором зародились эти сомнения, оказалась индустриальная организация. В целом, неоклассическая теория до 1950-х годов игнорировала фирму как наиболее распространенную форму организации при капитализме и была сосредоточена на объяснении того, как теория цен объясняет рыночную структуру (Stigler 1968).

Саймон (Simon 1957) первым предпринял попытку объяснить природу существования правил и организаций. Для этого он поставил под сомнение модель действия, лежавшую в основе неоклассической экономической теории. Его критика фокусировалась на двух проблемах. Во-первых, люди не могут быть максимизаторами прибыли. В силу ограниченности когнитивных способностей, они не в состоянии переработать весь массив значимой информации, даже если бы они им располагали. А чаще всего такого массива в их распоряжении нет. Во-вторых, если акторы эгоистичны и вовлечены в процесс обмена на рынке труда, очевидно, что у них возникают стимулы, не соотносящиеся с целями максимизации прибыли их работодателей.

Заслуга Саймона состоит в том, что он использовал эту модифицированную модель действия для объяснения повсеместности фирм и правил. Саймон пришел к заключению, что правила – не просто обременительное приложение к рыночным процессам, они помогают разрешить проблемы ограниченной рациональности [bounded rationality] и эгоистичного поведения (Simon 1958; March and Simon 1958). В то время как собственники хотят сорганизоваться с целью достижения максимальной прибыли, те, кто занимают более низкую ступень в организационной иерархии, скорее, будут преследовать иные цели. Более того, в силу ограниченной рациональности сложно отследить работу фирмы на всех уровнях, даже если исходить из предположения, что все работники разделяют ее общие цели.

Следовательно, организационная структура и дизайн должны были развиваться так, чтобы смягчить потенциальные негативные последствия двух этих проблем. Для менеджеров это означало необходимость выработки частных целей [subgoals] для различных подразделений организации с тем, чтобы иметь возможность проследить, как они достигаются. В отношении контроля за рабочими это подразумевает наличие тщательно определенных заданий, рутинных процедур и ситуативных правил, упрощающих процесс принятия решений. Поскольку ни рабочие, ни менеджеры не в состоянии уследить за всем происходящим вокруг них, организация должна была выстраиваться таким образом, чтобы менеджеры высшего звена могли реагировать на ясные сигналы снизу, которые служат индикаторами появления возможных проблем.

¹⁴ Разумеется, эта мысль была заимствована теоретиками политической науки у экономистов. Будь это мир рациональных акторов, имеющих жесткие предпочтения, достижение целей зависело бы от обладания совершенной информацией и способности находить оптимальные коллективные решения проблем. Таким образом, политические правила и организации должны были преодолеть состояние войны «всех против всех», замкнув акторов своей властью в русле процедур – там, где возможно достижение согласия.

Существует ряд теоретических направлений, исповедующих сходные взгляды: анализ транзакционных издержек, теория агентских отношений, а также ранние работы Д.Норта в области экономической истории, в которых увязываются воедино производство политических и экономических институтов, с одной стороны, и господство рынка, с другой (North and Thomas 1973). Основная идея этих подходов состоит прежде всего в том, что повсеместность социальной организации и правил повышает эффективность рынка, и, вследствие этого, они воспринимаются в качестве реакции на его провалы. Фирмы, сети, цепочки поставщиков, институциональные правила и формы собственности – все они не без оснований могут характеризоваться как средства обеспечения эффективности рынка, что, в свою очередь, объясняет их распространенность и вариативность в капиталистических экономиках (Schotter 1981; Williamson 1985; Fama and Jensen 1983a; b).

Первая попытка объяснить, как акторы, принимающие решения в рамках организации, выстраивают свои действия по отношению к конкурентам, была предпринята в теории игр. Здесь ставилась задача не опровержения неоклассической теории, а объяснения того, как структура рынка влияет на стратегические действия фирм, как она может приводить к стабильным и оптимальным результатам, или взаимным выгодам, в условиях, когда акторы располагают разным объемом информации, а число игроков, равно как и число итераций взаимодействия, все время изменяются (Gibbons 1992; Axelrod 1984).

Экономисты и политологи поняли, что утверждения, сформулированные в рамках теории игр, приложимы ко всякой ситуации, где акторы вовлечены в стратегическое действие (Axelrod 1984). Проблема же состояла в том, чтобы глубже понять природу совместного принятия решений в заданной ситуации – так, чтобы суметь предсказать вероятное развитие «игры». В теории игр не утверждается, что равновесие будет достигаться всегда. Это понятие используется для того, чтобы показать, что ловушки в сфере принятия решений могут серьезно препятствовать сотрудничеству и приводить к неоптимальным результатам (Scharpf 1988).

Вопрос об эффективности институциональных образований является одним из передовых рубежей новой институциональной теории. Если эта теория начиналась с той идеи, что институты могут быть эффективными, то она также могла привести к заключению, что нынешние формы институционального устройства – отнюдь не самые лучшие. Теория игр является инструментом, позволяющим предположить причину такой ситуации.

Норт (North 1990) и Артур (Arthur 1988; 1991) предлагают более радикальный взгляд на институты. По их мнению, политические или экономические институты могут появляться случайно или возникать в ортогональной плоскости по отношению к плоскости достижения эффективных результатов. Так, например, формы собственности могут возникнуть не в целях максимизации эффективности, как это предполагают теоретики агентских отношений (Jensen and Fama 1980a; b), а в силу присущих каждому обществу исторических случайностей (Roe 1994). Артур (Arthur 1991) утверждает, что неоптимальные технологии могли стать господствующими, поскольку сложилась система организаций, практик и правил, которые поддерживали эту технологию. Он также предполагает (1988), что географическое расположение фирмы может в той же степени проистекать из исторической случайности, как и из соображений эффективности. Когда такие образования уже сложились, непокрываемые издержки по их созданию делают всякие перемены запретительно дорогими. Этот процесс стали называть зависимостью от первоначально выбранного пути [path dependence].

Политическая наука породила две версии нового институционального подхода: исторический институционализм, возникший прежде всего в сфере сравнительной политики, и теории рационального выбора, выросшие (вместе с теорией игр) из американской политики и международных отношений. Обе версии начинались с попытки понять, как правила и организация правительств влияли на результаты правления. Их критические выступления характеризовались узкой направленностью против своих оппонентов.

Исторические институционалисты реагировали главным образом на построения ученых, стремившихся редуцировать политические процессы к групповым конфликтам, в особенности к следствиям борьбы социальных классов (Steinmo and Thelen 1992). Ученые, которые рассматривали политику как отражение отношений между социальными классами или группами интересов [interest groups], недоучитывали влияние правительств на политические результаты. Исторические институционалисты приводят разнообразные аргументы, показывающие, как существующие правительственные институты определяют сферу политики и предписывают, что в ней делать позволительно, а что – нет.

Существующие ныне правительственные организации обладают очень разными возможностями вмешательства в жизнь своих обществ. Их организационные ресурсы и привязанное к текущему моменту определение того, что представляют собой политические кризисы, структурируют возможности политического действия (Evans, Skocpol, and Rueschmeyer 1985). Политические традиции и роли, которые они отводят различным акторам в различных обществах, также определяют допустимые формы политического участия (March and Olsen 1990). На политическое поведение групп влияют политические партии, идеологии, процедуры голосования и традиции политической активности [activism]. С этих позиций на поведение людей могут воздействовать также идеологии «гражданского долга» и «государственной службы».

Пирсен (Piersen 1995) предлагает два типа социальных метафор: «непредвиденные последствия» [unintended consequences] и «зависимость от первоначально выбранного пути» [path dependence] для описания того, как политические организации и институты могут задавать и часто задают границы текущих предпочтений политических акторов. Творцы законов могут учреждать институты, которые затем используются в целях, отличных от их первоначальных намерений. Когда новая группа законодателей принимается разрешать политические проблемы, порожденные новыми формами институционального устройства, она должна начинать с изучения непредвиденных последствий предшествующего законодательства как важного ограничителя своих действий. После своего учреждения политические институты вырабатывают определенную собственную логику. Эта логика также непосредственно определяет возможности акторов реализовывать свои предпочтения.

Штейнмо и Телен (Steinmo and Thelen 1994) идут дальше и утверждают, что при определенных условиях предпочтения акторов могут быть эндогенным фактором по отношению к процессам институционального строительства. Объясняя «на пальцах», можно сказать, что люди начинают понимать, чего же они все-таки хотят, по мере того, как разворачиваются события. Политический процесс, следовательно, может иметь огромное значение. В подобных ситуациях могут появиться акторы, которые используют новые идеи для выстраивания альянсов, реорганизуя предпочтения групп. Эти акторы функционируют как политические или институциональные предприниматели.

В области американской политики теории рационального выбора и теории игр начинались с попыток понять, почему вообще существуют политические институты¹⁵. Их существование объясняют тем, что иначе рациональные эгоистичные акторы постоянно сталкивались бы с дилеммами коллективного действия. Они не позволяли бы акторам максимизировать реализацию своих предпочтений, поскольку их действия всегда блокировались бы другими политическими акторами. Институты появляются для того, чтобы помогать разрешать дилеммы коллективного действия. Они обеспечивают людей более полной информацией о стратегических действиях других людей и предоставляют им возможности компромиссных решений в стиле «ты – мне, я – тебе» для того, чтобы обмен деятельностью оказывался выигрышным для всех его участников (Weingast and Marshall 1982; Shepsle 1989; Cox and McCubbins 1987).

Теоретические направления, основанные на теориях рационального выбора и теории игр, широко обсуждались в литературе по международным отношениям: правительства здесь характеризуются как целостные акторы [unitary actors], заинтересованные в обеспечении национальной безопасности и противостоящие друг другу в мире без правил (Waltz 1979). Институты и направляющие взаимодействие правила появляются лишь тогда, когда интересы правительств сходятся в одной точке, но даже в этом случае достижение согласия требует широкого контроля [monitoring]. Слабость этой позиции состояла в том, что она не объясняет стремительного увеличения в послевоенный период числа международных организаций, не ориентированных на обеспечение безопасности. Кеохейн [Keohane 1984; 1986] приводит аргументы, подобные выдвигавшимся в американской политике, в пользу того, что повсеместность международных соглашений должна отражать возрастающую взаимозависимость государств на различных социальных и экономических аренах, а совпадение интересов способствует заключению межправительственных соглашений [bargains].

Оба вида институциональных течений начинают с вопроса о том, как политические организации и институты влияют на политические результаты. Они сходятся в том, что политика совершается на политических аренах, где процессы протекают по определенным правилам при данном наборе организаций. Главным источником разногласий выступает различие мнений по поводу того, что мотивирует действие, в какой степени институты формируют его. Центральным в теориях рационального выбора является вопрос: как в условиях жестких предпочтений и заданных наборов правил в игровом процессе стратегического действия рациональные акторы создают институты, отражающие их интересы? Исторические институционалисты тоже заявляют, что интересы и предпочтения акторов имеют значение. Однако они при этом подчеркивают, что действие зависит от существующих организаций, институтов и политических возможностей в большей мере, чем это обычно позволяют себе думать теоретики рационального выбора (Pierson 1995; Evans et al. 1985). Основное расхождение между этими двумя направлениями состоит в оценке той степени, в какой предпочтения могут определяться внутренними процессами [endogenously determined]. Если предпочтения суть продукт ситуационных социальных ролей или «текущего» кризиса, побуждающего акторов переосмысливать, кто они такие, то рациональные

¹⁵ Конечно, эта стратегия проводит осознанную параллель с экономической теорией, основной вопрос которой – почему рациональные акторы создают фирмы? В сфере же политической теории этот вопрос формулируется так: почему рациональные акторы создают правила и организации для того, чтобы заниматься политикой? Вейнгаст и Маршалл намеренно обращаются к подобной метафоре, называя свою статью «Индустриальная организация Конгресса» (Weingast and Marshall 1982).

модели в меньшей степени способны предсказывать, что может произойти в дальнейшем.

В социологии новый институционализм первоначально выступил в качестве одного из критиков выдвинутого Саймоном рационального подхода к организациям. Указанный подход оформился в позицию, согласно которой люди, управляющие организациями, могут отслеживать состояние среды, улавливать возникающие в ней проблемы и заниматься рациональным организационным переустройством [redesign], нацеленным на адаптацию к меняющимся обстоятельствам.

Ученые начали осознавать, что внешний по отношению к организации мир тоже является социальной конструкцией (Scott and Meyer 1991). Они стали задаваться вопросом о том, посылают ли внешние условия [environments] ясные сигналы относительно происходящего и есть ли возможность судить о том, какие стратегии способствуют выживанию организации. Это означает, что «эффективность» может оказаться всего лишь мифом, а организационное действие в большей мере направлено на то, чтобы выглядеть легитимным, а не «рациональным» (Meyer and Rowan 1977; DiMaggio and Powell 1983).

Важное продвижение в этом направлении состояло в том, что ученые начали теоретизировать по поводу организационных полей или секторов, определяемых как арены действия, где организации принимают в расчет действия друг друга (Scott and Meyer 1983; DiMaggio and Powell 1983). Институты рассматривались в качестве смыслов (как распространяющихся на все общество, так и специфичных для того или иного контекста), которые структурируют поля и помогают актерам ориентироваться в окружающей их неразберихе. Институты определяют, кто и какую позицию занимает в поле, предоставляют людям правила и когнитивные рамки, позволяющие интерпретировать действия других, а также сценарии [scripts], которым можно следовать в условиях неопределенности (Jepperson 1991).

Новые институционалисты утверждают, что в силу неопределенности организации в полях имеют тенденцию к изоморфизму. Это происходит посредством мимикрии, принуждения или нормативного давления [normative pressures] (DiMaggio and Powell 1983). Конкуренты, специалисты, поставщики или клиенты способны осуществлять организационные перемены. В этот процесс активно вовлечены правительства, поскольку они задают правила для общества в целом и часто понуждают организации к конформизму (Meyer and Scott 1993; Fligstein 1996).

Социологические версии нового институционализма предлагают сложную трактовку действия. В структуралистских версиях нового институционализма утверждается, что поля оставляют актерам мало свободы для выбора. Их роль заключается в том, чтобы в институциональных сферах само собой разумеющиеся смыслы заставляли актеров разыгрывать свои роли, независимо от того, осознают они их или нет (Jepperson and Meyer 1991; Scott 1995).

По версии, менее тяготеющей к структурализму, размытость организационных миров означает, что рациональность – это трактовка, которую актеры используют уже после того, как решили действовать (White 1994). Предпочтения здесь не фиксированы, а формируются посредством действия. Более того, институциональные практики не обязательно приводят к результатам, выгодным для тех, кто им следует. Эта позиция близка к утверждению Штейнмо и Телена о том, что предпочтения могут формироваться эндогенным образом.

Есть также две другие – срединные - точки зрения, их можно назвать культурным и политическим направлениями. Культурное направление поддерживает утверждение о том, что социальная жизнь весьма не определена. Ее интерпретации могут задаваться несколькими легитимирующими источниками – профессиями, правительствами и другими акторами, действующими в данном поле. Процессы мимикрии приводят к однородности поля с точки зрения организационных структур, целей и мотивов основных акторов (DiMaggio and Powell 1983). ДиМаджио (DiMaggio 1987) признает ограниченность этого подхода, соглашаясь с тем, что подражание может служить объяснением действия только в уже сложившихся полях. А в новых полях, по его мнению, существуют институциональные предприниматели (лидеры), способные видеть перспективу [visionary leaders] и предложить новый путь успешного достижения результатов.

Флигстин (Fligstein 1990; 1996) утверждает, что поля суть системы власти, посредством которых доминирующие акторы используют концепцию культуры (которую он называет «концепцией контроля») для усиления своей позиции. Концепция контроля [conception of control], укорененного в том или ином поле, отображает правила, посредством которых это поле структурировано. Для акторов в доминирующих организациях и организациях, стремящихся к изменениям, она служит когнитивной рамкой, которая позволяет понимать поступки других. В стабильных полях концепции контроля используются господствующими группами для интерпретации и укрепления существующего порядка. Когда же поля находятся в стадии формирования, институциональные предприниматели выступают в качестве тех, кто предлагает схемы построения политических коалиций с другими акторами с целью структурирования поля. И не удивительно, что эти предприниматели и их союзники в конечном итоге начинают доминировать в данном поле.

Критика

В рассуждениях об институтах, содержащихся в различных новых институциональных течениях, подчеркивается, что взаимодействие осуществляется в контекстах, которые я называю полями. Поля – это институционализированные арены взаимодействия, на которых акторы с различными организационными возможностями выстраивают свое поведение по отношению друг к другу. Правила, действующие на этой арене, определяют границы допустимого, предоставляя акторам инструменты для взаимодействия. Они также побуждают акторов осмысливать свои интересы, интерпретировать поступки других акторов и определять стратегию того, что они должны делать.

Новые институциональные теории сходятся в том, что такие социальные устройства [arrangements], с одной стороны, необходимы для выживания групп, а, с другой, поддаются организованному воздействию со стороны акторов. В том, что институты имеют тенденцию следовать однажды избранному ими пути (т.е. ограничивать последующее взаимодействие). А также в том, что набор имеющихся институтов может использоваться акторами для достижения новых целей, причем способами, не предусмотренными их создателями. Таков способ восприятия непреднамеренных последствий. Большинство теоретиков согласились бы с утверждением о «вязкости» институтов, их неизменности как в силу того, что в них укоренены интересы акторов, так и потому, что институты образуют основу привычек акторов и их когнитивных схем.

Очевидно, что новые институциональные течения расходятся в вопросе о роли акторов, культуры и власти. На одном полюсе - теории рационального выбора, выдвигающие

предположение о том, что институты являются результатом действий индивидуальных рациональных акторов. Они взаимодействуют в игровых ситуациях с заданными правилами и фиксированными ресурсами, показывающими относительный объем власти тех или иных акторов. На другом полюсе - институционалисты-социологи, сосредоточенные на вопросе о том, что размытые социальные миры нуждаются в интерпретации, а действия акторов могут и не приводить к ожидаемым последствиям. Социологам в большей мере свойственно рассматривать акторов как социально укорененных и коллективных субъектов. Однако в центре теории действия находится изучение не взаимодействия, а того, как локальные культуры и социальные позиции в полях диктуют мысли и поступки акторам. Во многих социологических и политических дискуссиях проблема социальной власти полностью игнорируется.

Я бы хотел подробнее проанализировать эти различия во взглядах. Моя задача – убедить читателя в том, что создание более адекватной (по крайней мере, для социологов) теории институтов становится возможным, если удастся предложить более тонкий анализ связи между социологическим понятием полей, основанных на власти, и понятием действия, формирующего социальное взаимодействие. Критика как социологических течений, так и теорий рационального выбора, заставляет предположить, что ни в одном случае не предлагается адекватного решения этих проблем. Социологической теории действия необходимо серьезнее отнестись к рассмотрению рациональных акторов. Однако ей следует «социологизировать» их, представив акторов коллективными субъектами и мотивировав их действия необходимостью соотносить свое стратегическое поведение с группами. Ей также следует признать, что поля подразумевают властные отношения в том смысле, что они ставят доминирующих игроков в более выгодное положение.

Сила социологических версий нового институционализма состоит в указании того, что действие происходит в полях, где коллективные социальные акторы собираются вместе, чтобы соотносить свои действия друг с другом. В этом случае цель институтов – предоставить коллективные смыслы, с помощью которых происходит структурирование поля, а акторы могут интерпретировать действия друг друга для воспроизводства своих социальных групп. Большинство новых институциональных течений в социологии начали с анализа институционализированной среды [institutionalized environments]. Предполагается, что когда набор верований или смыслов принимается всеми, акторы осознанно и неосознанно начинают его распространять и воспроизводить. Поскольку зачастую акторы не видят никакой альтернативы, то для описания своей ситуации они используют существующие рационализирующие мифы, чтобы структурировать и обосновывать свои действия (DiMaggio 1987).

К сожалению, в этой модели теории действия акторы представлены как бескультурные «болваны» [cultural dopes] (Giddens 1984), пассивно следующие институциональным предписаниям. С данной позиции общепризнанные смыслы становятся движущей силой действия, а акторы выступают в качестве посредников [transmitters], доносящих эти смыслы до групп. Майер и его студенты (Thomas et al. 1987) довели это утверждение до логической крайности, предположив, что социальную жизнь на западе можно объяснить с помощью мифа об индивидуализме, который порождает одновременно социальную стабильность и изменения в полях¹⁶.

¹⁶ Я согласен с Майером в том, что, как я говорил ранее, современность подразумевает конструирование мифа индивидуализма и перепозиционирование акторов [reconstitution of actors]. Однако я полагаю, что эта абстрактная идея – лишь вершина айсберга обоснований, объясняющих многие действия и социальные устройства. Более же весомая его подводная

Преобладающая часть новых институциональных течений в социологии также игнорирует теорию власти, связанную с проблемой теории действия. Вопрос о том, почему и в чьих интересах существуют поля, никогда не ставится в центр институциональных теорий. Исследование динамики полей редко включает анализ властных отношений и того, кто находится в выигрышном положении. Теория действия избегает анализа проблем власти, представляя акторов в виде распространителей общепризнанных смыслов и тех, кто послушно следует готовым сценариям. Если акторы суть агенты рационализирующих мифов и в силу этого не имеют «интересов», остается лишь недоумевать: отчего же тогда они действуют?

В силу отсутствия разработанной теории взаимодействия и власти, большинство версий нового институционализма в социологии не может объяснить, как вообще возникают институты (DiMaggio and Powell 1991; DiMaggio 1987; Scott 1995; Colignon 1997). Откуда берутся возможности для этих новых форм действия? Какие акторы способны организовываться? Какие смыслы доступны, а какие – нет, и почему? Почему и как акторы, которые, казалось бы, могут лишь следовать готовым предписаниям, распознают ситуации и создают новые институты?

В связи с этим встают проблемы, которые выбиваются из общего потока социального теоретизирования – как в теориях рационального выбора, так и в недавних социологических работах. В социологии новая институционалистская модель действия попросту игнорирует предпосылку теории рационального выбора о наличии у людей причины к действию или, иными словами, некоторого представления о своих интересах и стремления направлять свое взаимодействие с другими людьми в соответствии с этими интересами. Большинство теоретиков рационального выбора, сталкиваясь с этой социологической версией институтов, выглядят сильно озадаченными. У обществоведов, занятых поисками альтернатив теории рационального выбора, как правило, эта форма социологического институционализма вызывает раздражение, поскольку им все же хочется отвести актерам роль создателей, хотя и не втискивая их в прокрустово ложе предпосылок, принятых в теориях рационального выбора.

Теоретические дискуссии в социологии в течение последних пятнадцати лет косвенно указывают на то, что производство и воспроизводство нынешних наборов правил, а также распределение ресурсов зависят от умелой работы акторов, использующих свою социальную власть и способность к приобретению знаний [knowledgeability], чтобы направлять действия в свою пользу и против других (Giddens 1984; Bourdieu 1977; Bourdieu and Wacquant 1992; Sewell 1992). Как в стабильных, так и в нестабильных институциональных условиях, акторы не просто подчиняются общепризнанным в их полях смыслам, которые понимаются как сценарии и трактуются в качестве таковых специалистами или государственными чиновниками. Напротив, они обладают определенным объемом социальных навыков [social skill], позволяющих воспроизводить или опротестовывать системы власти и привилегий. Они поступают как активные члены того или иного поля, чья жизнь тесно связана с полями и зависит от них.

В экономической теории и политической науке теории рационального выбора убедительно показывают, как происходит объединение акторов, каковы их мотивы, как и почему они производят институты. Институты определяются как социальные

часть включает развитие способных к определению ситуации акторов, организующих технологий и последующее их использование в построении государства и экономики. Более того, целью институционального строительства для акторов является производство арен власти, где воспроизводятся их позиции.

организационные средства, которые помогают актерам достигать своих интересов, когда рынки (если рассуждения ведутся в русле экономической теории) или существующие законы и правила (если речь идет о политической науке) не справляются с этой функцией. Теория позволяет предсказывать вероятность определенного набора результатов при заданных интересах акторов и существующем соотношении интересов и правил.

Теория помогает объяснить, как происходит конструирование социальной жизни в поддающихся экспликации направлениях. Эгоистичные акторы заинтересованы в инновациях, и часто их успешные стратегии быстро копируются другими актерами. Институты зависят от акторов, находящих совместные решения проблем взаимодействия. Усилия акторов на этом поприще могут оказаться неудачными и породить институты, приводящие к искаженным или неоптимальным результатам.

Однако концепции власти и действия в моделях, выстроенных в рамках теорий игр и теорий рационального выбора, тоже весьма проблематичны. Поскольку акторы, даже если они и представляют некий коллектив, полагаются как индивиды, то природа социальных арен, а также роль акторов в производстве, поддержании и занятии позиций на этих аренах остается не вполне ясной. Государства, политические процессы в целом и власть воспринимаются как правила и ресурсы. Последние образуют фон, на котором рациональные акторы разворачивают свои игры.

Основная проблема этих теорий состоит в следующем. Они не учитывают того, что помимо акторов, принимающих решения (менеджеров, лидеров или элит), может существовать множество групп, интересы которых они должны уравновесить. Акторы должны постоянно сознавать необходимость выстраивать схемы, которые побуждали бы к сотрудничеству *как* союзников, *так и* противников. Например, акторы в группах, заинтересованных в изменениях, должны думать о том, как удержать своих членов вместе, и непрерывно мотивировать их к дальнейшему сотрудничеству. Проще говоря, социальная жизнь пронизана политикой. Модели рациональных акторов, рассматривающие правила и ресурсы как внешние, экзогенные факторы, а самих акторов – как индивидов, имеющих определенные предпочтения, упускают из виду творческие способности и навыки, которые требуются индивидам как представителям коллектива для того, чтобы работать на политической арене в противостоянии с другими актерами с целью производства, воспроизводства и трансформирования институциональных устройств.

Проблема аргументации с позиций теории рационального выбора – в телеологическом оттенке рассуждений: случившееся рассматривается в качестве единственно возможного исхода. Политологи и социологи, не ограниченные рамками этой теории, часто не удовлетворены тем, что модели рационального выбора не углубляются в детали исторических социальных процессов, формирующих институциональные устройства. При этом они не готовы признать, что подобное отсутствие внимания проистекает из самой модели действия. Как только становятся известными существующие правила и ресурсы, сразу возникают интересы акторов, а за ними неизбежно следуют и действия. Подлинное взаимодействие внутри групп и между ними, а также его влияние на расстановку интересов выводятся а priori как не способные оказать какое-либо влияние на результат.

Социальные навыки и рудименты институциональной теории

В следующих двух частях данной работы я намерен привести основные моменты особой социологической трактовки институтов, которую можно реконструировать на основе описанных мною теорий и их критики. Моя задача – понять, как эти концепции

помогают прояснить динамику государств и полей в современных обществах. Конечно, мое толкование субъективно [suggestive], отчасти – провокационно и ни в коем случае не исчерпывающе.

«Стабильное» поле действия можно охарактеризовать как поле, в котором группы и их социальные позиции время от времени воспроизводятся квалифицированными акторами. Последние используют некий набор представлений о том, кто такой актер, какой смысл другие акторы вкладывают в свои действия и какие действия имеет смысл предпринимать для сохранения status quo. Воспроизводство поля зависит не только от умения просчитывать намерения «другого», но и от способности подвигнуть свою группу на сотрудничество, убедив ее членов в верности своей интерпретации. Поле – это «игра», зависящая от акторов, культуры и власти. Подобный общий взгляд на поля – не просто теория; он также определяет и социальную технологию, используемую и модифицируемую квалифицированными акторами.

Предлагаемая мною концепция социального действия построена на понятии социального навыка [social skill], определяемого как способность побуждать других акторов к сотрудничеству и, разумеется, манипулировать их эгоистическими интересами. Обладающие таким навыком социальные акторы эмпатически чувствуют ситуацию, в которой находятся другие индивиды, и, таким образом, могут привести им доводы, объясняющие, почему следует действовать сообща (Mead 1934; Goffman 1959; 1974). Такие акторы должны понимать, как отдельные группы в рамках их коллектива представляют себе свои многочисленные интересы и идентичности, а также как их представляют себе члены других групп. У них должна быть когнитивная схема [cognitive frame], выстроенная на базе такого понимания и позволяющая интерпретировать происходящее¹⁷.

Используемое мною понятие социального навыка сложилось в рамках символического интеракционизма (Mead 1934; Goffman 1959; 1974; Joas 1996). Представления акторов о себе в значительной мере определяются их интеракциями с другими. Взаимодействуя, акторы пытаются создать позитивное представление о себе и делают это путем производства смыслов для себя и для других. Идентичности подразумевают наборы смыслов, имеющиеся у акторов и определяющие, кто они такие и чего хотят. Сильные и преуспевающие акторы, занимающие господствующие позиции, весьма вероятно будут иметь высокую самооценку¹⁸. Акторы, занимающие подчиненное положение, подвергаются стигматизации и вынуждены втягиваться в стратегии выживания, чтобы бороться с этой стигматизацией (Goffman 1963).

Квалифицированные стратегические акторы вовлечены в действие, ибо производя смыслы для других, они делают это и для самих себя. Их ощущение собственной силы проистекает не из какого-то узкого понимания эгоистического интереса (хотя такие акторы, как правило, выигрывают от обладания своим навыком и в материальном

¹⁷ Такая позиция не означает подмену угла зрения «другого» для нас его собственным мнением о ситуации, каким бы оно ни было. Эта позиция предполагает серьезную попытку эмпатически вчувствоваться в то, что думает другой актер.

¹⁸ У преуспевающих акторов возможна и низкая самооценка. Люди могут стремиться к действию с тем, чтобы повысить собственное мнение о себе и почувствовать свои осмысленные связи с группой. Однако, если их самооценка довольно низка, они не станут интерпретировать «успех» как достаточное свидетельство своей ценности для группы. Следуя этой логике, они могут и дальше заниматься конструированием «смыслов», причем никогда не выйдут победителями из этой игры и никогда не смогут сформировать себе позитивно окрашенную идентичность.

отношении), а из способности побуждать других к сотрудничеству и оказывая другим помощь в достижении их целей. Они пойдут на все, чтобы побудить людей к сотрудничеству, и, если какие-то действия не приведут к успеху, предпримут другие действия. Это означает, что обладающие социальными навыками акторы в тенденции лишены и собственных целей, и интересов, в то время как рациональные акторы, по определению, эгоистичны и преследуют фиксированные цели.

Социальный навык подразумевает, что одним акторам легче, чем другим, удастся побудить людей к сотрудничеству, поскольку они лучше понимают смысл ситуации и способны донести этот смысл до других – чем и вызывают их совместные действия [Mead 1934]. Все люди в какой-то мере обладают этим навыком – он необходим для элементарного выживания. Однако некоторым из них легче удастся побудить других к сотрудничеству, и в полях такие люди могут играть важную роль. Умелое социальное действие требует ориентации на членов своей группы и на поле в целом.

Социальный навык оказывается полезным при формировании политических коалиций, нацеленных на создание институтов (т.е. для роли институционального предпринимателя), или при необходимости (в неблагоприятных обстоятельствах) помогает удерживать разрозненные социальные группы в рамках одного поля. Обладающие таким навыком акторы применяют свою тактику как в отношении членов своей группы, так и других групп (обзор этого вопроса см.: Fligstein 1997). Они мастерски создают новые культурные рамки [frames], используя уже существующие фреймы для того, чтобы вызвать совместные действия людей. Они также находят пути для построения политических коалиций, предлагая компромиссные решения. Совершение подобных действий подразумевает ряд стратегических навыков: постановку задачи [agenda setting], посредничество [brokering], умение использовать свойства системы и сохранить неоднозначность ситуации. Умелые стратегические акторы применяют эти тактики, манипулируя социальным капиталом (сетями), физическим капиталом (ресурсами) или культурным капиталом (символическими притязаниями). Их мотивация акторов состоит в том, чтобы обеспечить успех своей группе (Fligstein 1997; Padgett and Ansell 1994; Bourdieu 1974; White 1994; Coleman 1993; Leifer 1992; Nee and Ingram 1997).

Понятие социального навыка оказывается очень полезным для понимания того, как конструируются и воспроизводятся поля. Обладающие навыками социальные акторы скраивают свои действия в зависимости от текущего уровня организации поля, своего места в нем, а также от движения других групп в данном поле. Интересно рассмотреть, как социальный навык вплетается в действие, совершающееся в полях при различных условиях.

Новые поля возникают, когда группы обнаруживают какие-то дополнительные возможности. Кризис новых полей отражает тот факт, что стабильные правила взаимодействия так и не появились и группам грозит скорое исчезновение (Fligstein 1996). Обладающие социальными навыками акторы будут направлять свои действия на стабилизацию группы и ее связей с другими группами. Именно здесь эти вдохновенные акторы, которых ДиМаджио (DiMaggio 1987) называет институциональными предпринимателями, могут выдвинуть новые культурные обоснования, ведущие к изобретению «новых» институтов. Как это подразумевается в теории игр, они могут образовывать политические коалиции вокруг узко сформулированных коллективных интересов акторов с целью производства институтов.

Новые, немислимые прежде коалиции могут возникнуть и в условиях новых культурных схем [frames]¹⁹. Этот процесс может уподобляться социальному движению в том смысле, что взаимодействие порождает организационные интересы, идентичности и предпочтения. Здесь институциональные предприниматели могут привлечь многие группы к участию в проекте по формированию смыслов, который способен придать полю определенную стабильность.

В сложившихся полях эти же квалифицированные социальные акторы используют правила и неоднозначный характер конкретного набора взаимодействий, чтобы воспроизводить свое господствующее положение или пытаться опротестовать господствующее положение других. Существующие ныне поля предоставляют доминирующим акторам лучшие возможности для воспроизводства своих преимуществ именно в силу того, что они негласно ориентированы на неравномерное распределение правил и ресурсов. Если умелых стратегических акторов привлекают властные позиции в господствующих группах, то их энергия будет направлена на поддержание правил «игры». Эти акторы выстраивают свои ходы по отношению к другим акторам с целью укрепления или поддержания положения своей группы в данном поле.

В стабильных полях действия акторов могут не иметь большого значения для воспроизводства этих полей. В конце концов, правила и ресурсы находятся в руках господствующих групп, а подчиненные группы имеют гораздо меньше возможностей. Так происходит в неопределенной среде, где трудно оценить успех или неудачу, а легитимность господствующих организаций редко ставится под сомнение (Meyer, Scott, and Deal 1988).

Поля могут испытывать кризис в результате изменений, произошедших за их пределами, – в частности, в других полях, от которых зависят первые. Кризисы часто вызываются намеренными или ненамеренными действиями правительств или же вторжением на поле аутсайдеров. В подобных обстоятельствах акторы, занимающие господствующее положение, будут стремиться сохранить status quo. Заинтересованные же в переменах могут присоединиться к «захватчикам» или найти союзников в правительстве с тем, чтобы изменить расстановку сил в данном поле. Социальная подвижность этой ситуации предполагает возможность новых сделок. Однако они наиболее вероятны среди тех, кто заинтересован в изменениях или осуществляет вторжение извне, поскольку именно эти группы не испытывают приверженности существующему социальному порядку.

На пути к новой институциональной теории общества?

Современность подразумевает способность людей становиться социальными акторами. И наделение людей этой способностью привело к стремительному росту полей. Открывшаяся возможность создавать новые поля показывает умелым стратегическим акторам, из чего можно извлечь новые выгоды. Делая акцент на том, как работают акторы и институты, институциональная теория устанавливает связь между полями,

¹⁹ Пока что все теории рационального выбора в сфере экономических и политических наук отвергают эту идею. Я полагаю, тому есть две причины. Во-первых, трудно понять, как можно предсказать появление предпринимателя; если же смысл теоретизирования состоит в возможности последующего предсказания событий, то предприниматели просто выпадают из теоретического контекста. Во-вторых, теория игр характеризуется относительно жесткими параметрами, и трудно представить себе развитие «игры», вся суть которой состоит в том, что она сама подвергается трансформации.

производством новых полей и государством, а также предоставляет аналитикам инструменты, позволяющие исследовать динамику и сложную природу современности. Институциональные теории открывают взгляд на общество как на совокупность бесчисленных полей, миллионов социальных порядков, часть которых соотносится друг с другом, а большинство действует независимо. Целесообразно отметить некоторые очевидные следствия, вытекающие из этой позиции и оказывающие влияние на наше понимание связи между полями, а также между полями и государствами.

Правительства можно рассматривать как совокупность организаций, которые образуют поля, формируемые притязаниями на выработку правил (институтов), для всех субъектов в пределах данной географической территории. Поскольку государства – это арены, где формулируются правила, определяющие, кто может быть акторами и что эти акторы могут делать, то все организованные группы естественным образом обращаются к правительству. Создание и поддержание общих правил имеет огромное значение для существующей структуры полей и возможности возникновения новых полей вне зоны ответственности правительства. Группы, заинтересованные в изменениях, ориентируют свои действия на государства именно с целью изменения правил, не позволяющих им утвердить себя в качестве акторов в разных полях – как в пределах, так и за пределами государства.

«Нормальная» политика часто подразумевает, что группы, занимающие высокое положение [entrenched groups], используют политические системы для поддержания своего господства в поле. Внеправовая политика или политика в сфере социальных движений затрагивают попытки создания новых полей и открывают перед правительством новые организационные возможности для вмешательства в жизнь общества в интересах той или иной коалиции групп. Группы, участвующие в социальном движении, могут пытаться проникать на уже сложившиеся политические поля и изменять правила, действующие против их выгоды. Их способность преуспеть в этом деле является функцией кризиса или возникновения политических возможностей для организации и обретения коллективной идентичности, которая позволит объединиться ныне разрозненным группам (Tarrow 1994).

Можно оценить организационные способности правительства вмешиваться в работу полей, изучая действующие законы и текущую организацию его политики. Вероятность захватить поля политической деятельности или произвести новые поля зависит от имеющихся ресурсов и действующих правил, а также от возможностей, которые в состоянии извлечь из кризиса умелые акторы.

Теория полей предполагает, что акторы никогда не захотят отделить политику социальных движений от «нормальной» политики. Различие между этими двумя видами политики состоит в том, что социальные движения нацелены на создание нового поля деятельности [policy field] или трансформацию уже существующего поля, в то время как в нормальной политике господствующие группы защищают свои привилегии²⁰. Таким образом, изучение социальных движений («политики, осуществляемой альтернативными средствами») имеет смысл только в случае признания того, что альтернативные средства нацелены на создание нового поля или трансформацию уже существующего.

²⁰ Политика социальных движений может быть ориентирована на разрушение всей системы в целом. Это означает трансформацию государства и общества в пространстве всех полей. Чтобы такая трансформация стала возможной, большое число полей должно оказаться в состоянии кризиса. Кризис такого масштаба предполагает крупные социетальные катастрофы – такие, как война или экономическая депрессия.

Эта точка зрения на государство и общество открывает простор для анализа динамики современной жизни. Акторы, занимающие господствующее положение в своих полях, а также их союзники в политических полях склонны воспроизводить свое положение и пытаться дезорганизовать группы, ориентированные на изменения. Однако господствующие акторы оказываются в кризисном состоянии вследствие действий либо со стороны государств (когда это состояние вызвано зависимостью от другого поля), либо «захватчиков», вторгающихся с соседних полей.

Новые институциональные проекты всегда разворачиваются как внутри обществ, так и поверх их границ. Умелые социальные акторы, вооружившись культурными схемами одного поля, могут попытаться с их помощью создать новое поле. Возможности для этого могут быть предоставлены намеренными или ненамеренными действиями правительств. Завидев какие-то новые заманчивые возможности, умелые социальные акторы могут покинуть свое поле. Это означает, что в каждый конкретный момент происходит образование полей, в них наступает кризис и они подвергаются трансформации.

Проблема отношений между полями, с одной стороны, и между полями и государством, с другой, – один из наиболее значимых вопросов институциональной теории. Главное заключается в том, что поля зависимы друг от друга (Pfeffer and Salancik 1977). Эта зависимость означает, что кризис, начавшийся в одном поле, с большой вероятностью перекидывается и на другие поля. По мере распространения кризиса, как правило, господствующие группы начинают оказывать давление на правительство с целью побуждения его к вмешательству. Порою кризис распространяется предсказуемым образом, но часто он оказывается непредвиденным следствием кризиса в других полях. И хотя мы часто наблюдали подобные явления, мы практически не предпринимали попыток их теоретического осмысления.

Выводы

Было бы утопичным полагать, что столкновения между различными новыми институциональными течениями в конце концов приведут их к некоему консенсусу относительно определений, механизмов или задач, хотя, скажем, Ни и Ингрэм смотрят на эту проблему более оптимистично (Nee and Ingram 1997). Применительно к полю науки новая институциональная теория подразумевает, что ученых интересуют прежде всего собственные исследовательские проблемы и дисциплинарные пристрастия (т.е. культурные схемы) и организационная основа собственных полей (Bourdieu 1984). В сущности, мы – как ученые – живем в поле науки, которое накладывает на нас ограничения и открывает перед нами определенные возможности. В конечном итоге, все мы должны уметь показать, что наши когнитивные рамки – самые лучшие (разумеется, и мне отнюдь не чужды такие настроения).

И все же подобные интеллектуальные споры между дисциплинами и областями знания могут оказаться полезными. Анализ сильных и слабых сторон различных подходов позволяет рельефнее обозначить их рациональное зерно и присущие им ограничения. Порою нам становится ясно, что сведение воедино нескольких подходов позволит осуществить более глубокий анализ, стимулируя дальнейшие исследования, а ученые по крайней мере заметят достоинства других точек зрения. Новая институциональная теория считает неоправданными ожидания того, что эти новые мысли проникнут в ядро всякого научного поля, ибо воспроизводство поля зависит как раз от усиления господствующей в нем концепции. Если поле не устоит под натиском других полей (иными словами, если, например, социология уступит свои позиции экономической теории), ему грозит «колонизация» и полное поглощение.

Подобные рассуждения укрепляют меня в мысли о том, что социология в состоянии привести в эти дискуссии нечто важное, с чем экономическая теория и политическая наука справляются с большим трудом. Я полагаю, что всем институциональным теориям необходима теория полей, основанная на посылах о различном объеме власти организованных акторов и использовании ими культурных инструментов; причем, социологическая теория на этом поприще пока наиболее преуспела.

Всем институциональным теориям необходима также и теория действия. Теории игр и рационального выбора выработали стилизованную модель, которая не лишена привлекательности и способствует дальнейшему поиску. В данной работе я очертил общие контуры того, что, как полагаю, является социологической альтернативой этой модели. Однако мое изложение остается достаточно поверхностным (более общие рассуждения о значении интеракционистской модели см.: Joas 1996). Это означает, что впереди еще много работы.

В качестве реакции на теории рационального выбора и более традиционные структуралистские подходы в социологии возникло также и другое течение. Оно называется «поворотом к культуре» или, более радикально, «социальным конструктивизмом» и, как правило, утверждает, что понимание всякого социального взаимодействия требует знания культурных контекстов. Часто этот аргумент выдвигается в пику структуралистским и рационалистским объяснениям. Однако, как я пытался показать, все новые институциональные теории, включая теории рационального выбора, рассматривают институты как социальные и культурные конструкции и уделяют отнюдь не малое внимание контексту. Действительно, основным моментом, относительно которого между различными новыми институциональными течениями не возникает разногласий, – это признание необходимости сосуществования теории локальной структуры и теории действия.

Современность вызвала к жизни условия, при которых акторы могут сопротивляться кризису и переопределять поля. Но это означало также и возможность создания эффективных социальных технологий, направленных на стабилизацию полей и предупреждение действий со стороны групп, заинтересованных в переменах. Теория, игнорирующая любой из этих моментов, рискует оказаться неспособной объяснить динамику современности и описываемые ею немислимые пируэты.

Мое обзорное изложение теории общества, построенной на теории институтов, обозначено еще более крупными мазками, чем теория полей и действия. Дальнейшее развитие этой теории потребует более глубокого погружения в исследование связей между такими значимыми организованными институтами современности, как государство, организованная политика, социальные движения и экономика. Теория действия и полей представляет собой некий набор эволюционирующих практик и мифов и является неотъемлемой частью организованной социальной жизни, которой мы живем и которую повседневно наблюдаем. И мы все еще находимся лишь на начальном этапе раскрытия ее сущности и результатов.

Библиография

Arthur, B. 1988. "Self reinforcing mechanisms in economics." In P. Anderson (ed.) The Economy as an Evolving Complex System. Reading, Ma.: Addison-Wesley.

----- 1989. "Competing technologies and lock-in by historical events." Economic Journal 99: 116-31.

- Axelrod, R. 1984. The Evolution of Cooperation. New York: Basic Books.
- Bendix, R. 1954. Nation Building and Citizenship. New York: Wiley.
- Bourdieu, P. 1977. Outline of a Theory of Practice. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press.
- , 1988. Homo Academicus. Stanford, ca.: Stanford University Press.
- and L. Wacquant. 1992. Invitation to a Reflexive Sociology. Chicago, Il.: University of Chicago Press.
- Coleman, J. 1988. "Social capital in the creation of human capital." American Journal of Sociology 94: 95-120.
- Colignon, R. 1997. Power Plays. Albany, N.Y.: State University of New York Press.
- Cox, G. and M. McCubbins. 1993. Legislative Leviathan: Party Government in the House. Berkeley, Ca.: University of California Press.
- DiMaggio, P. 1988. "Interest and agency in institutional theory." In L. Zucker (ed.) Institutional Patterns and Organization, p. 3-21. Cambridge, Ma.: Ballinger Press.
- DiMaggio, P. and W. Powell. 1983. "The iron case revisited" American Sociological Review 47: 147-60.
- Dobbin, F. 1994. Forging Industrial Policy. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Evans, P., D. Rueschmeyer, and T. Skocpol. 1985. Bringing the State Back In. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press.
- Fama, E. and M. Jensen. 1983a. "Separation of ownership and control." Journal of Law and Economics. 26: 301-26.
- , 1983b. "Agency problems and residual claims." Journal of Law and Economics. 26: 327-50.
- Fligstein, N. 1990. The Transformation of Corporate Control. Cambridge, Ma.: Harvard University Press.
- , 1996. "Markets as politics: a political-cultural approach to market institutions." American Sociological Review 61: 656-673.
- , 1997. "Social skill and institutional theory" American Behavioral Scientist 40: 397-405.
- and I. Mara-Drita. 1996. "How to make a market: reflections on the European Union's Single Market Program." American Journal of Sociology 102: 1-33.
- and D. McAdam. 1995. "A political-cultural approach to the problem of strategic action." Unpublished manuscript.
- Gamson, W. 1975. The Strategy of Social Protest. Homewood, Il.: Irwin Press.
- Geertz, C. 1983. Local Knowledge. New York: Basic Books.
- Gibbons, R. 1992. Game Theory for Applied Economists. Princeton. N.J.: Princeton University Press.
- Giddens, A. 1984. The Constitution of Society. Berkeley, Ca.: University of California Press.
- Goffman, E. 1959. Presentation of Self in Everyday Life. Garden City, N.J.: Doubleday Press.
- , 1963. Stigma. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.

- . 1974. Frame Analysis. Cambridge, Ma.: Harvard University Press.
- Hall, P. and R. Taylor. 1994. "Political science and the four new institutionalisms." Paper presented at the conference "What is institutionalism now?" at the University of Maryland, September 1984.
- Hirschman, A. 1977. The Passions and the Interests. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Hobbes, T. 1991. Leviathan. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press.
- Jensen, M. and P. Meckling. 1974. "The theory of the firm: managerial behavior, agency costs, and ownership structure." Journal of Financial Economics 3: 305-360.
- Jepperson, R. 1991. "Institutions, institutional effects, and institutionalization." Pp. 143-163 in W. Powell and P. DiMaggio (ed.) The New Institutionalism in Organizational Theory. Chicago, Il.: University of Chicago Press.
- Jepperson R. and J. Meyer. 1991. "The public order and the construction of formal organizations. PP. 204-231 in W. Powell and P. DiMaggio (ed.) The New Institutionalism in Organizational Theory. Chicago, Il.: University of Chicago Press.
- Joas, H. 1996. The Creativity of Action. Chicago, Il.: University of Chicago Press.
- Keohane, R. 1984. After Hegemony. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- . 1986. Neorealism and Its Critics. New York: Columbia University Press.
- Krehbiel, K. 1991. Information and legislative Organization. Ann Arbor, Mi.: University of Michigan Press.
- Leifer, E. 1988. "Interaction preludes to role setting." American Sociological Review 53: 865-878.
- Locke, J. 1988. Two Treatise on Government. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press.
- March, J. and J. Olsen. 1989. Rediscovering Institutions. New York: Free Press.
- . and H. Simon. 1958. Organizations. New York: Wiley.
- Mead, G.H. 1934. Mind, Self, and Society. Chicago, Il.: University of Chicago Press.
- Meyer, J. and B. Rowan. 1977. "Institutionalized organizations: formal structure as myth and ceremony." American Journal of Sociology 83: 340-63.
- . and W.R. Scott. 1983. Organizational Environments. Beverly Hills, Ca.: Sage.
- , W.R. Scott, and T. Deal. 1981. "Institutional and technical sources of organizational structure: explaining the structure of educational organizations" In H. Stein (ed.) Organization and the Human Services. Philadelphia, Pa.: Temple University Press.
- , J. Boli, and G. Thomas. 1987. "Ontology and rationalization in the western cultural account." In G. Thomas, J. Meyer, F. Ramirez, and J. Boli (ed.) Institutional Structure: Constituting State, Society and the Individual. Beverly Hills, Ca.: Sage.
- Milgrom, P. and Roberts, J. 1982. "Limit pricing and entry under incomplete information." Econometrica 40: 443-59.
- Nelson, S. and S. Winter. 1980. An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge, Ma.: Harvard University Press.

- Nee, V. and P. Ingram. 1997. "Embeddedness and beyond: institutions, exchange, and social structure." In M. Brinton and V. Nee (ed.) The New Institutionalism in Sociology. New York: Russell Sage.
- North, D. 1990. Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. Chicago, il.: University of Chicago Press.
- and P. Thomas. 1973. The Rise of the Western World. Cambridge, eng. :Cambridge University Press.
- Padgett, J. and C. Ansell. 1992. "Robust action and the rise of the Medici." American Journal of Sociology 98: 1259-1320.
- Pierson, P. 1995. "When effects become cause: policy feedbacks and political change." World Politics 45: 595-628.
- Powell, W. and P. DiMaggio. 1991. The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago, Il.: University of Chicago Press.
- Scharpf, F. 1988. "The joint decision trap." Public Administration 66:239-78.
- Schotter, A. 1981. The Economic Theory of Social Institutions. New York; Cambridge University Press.
- Scott, R.W. 1996. Institutions and Organizations. Beverly Hills, Ca.: Sage.
- Scott, W.R. and J. Meyer. 1983. "The organization of societal sectors." In J. Meyer and R.W. Scott (ed.) Organizational Environments, p. 129-53. Beverly Hills, Ca.: Sage.
- Sewell, W. 1994. A Rhetoric of the Bourgeois Revolution: the Abbe Sieyes and What is the Third Estate. Durham, N.C.: Duke University Press.
- . 1992. "A theory of structure: duality, agency, and transformation." American Journal of Sociology 99: 1-29.
- Shepsle, K. 1989. "Studying institutions: Some lessons from the rational choice approach". Journal of Theoretical Politics 2: 131-47.
- Simon, H. 1957. Administrative Behavior. New York: MacMillan.
- Steinmo, S., K. Thelen, and F. Longstreth. 1992. Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Perspective. New York: Cambridge University Press.
- Weingast, B. and W. Marshall. 1988. "The industrial organization of Congress." Journal of Political Economy 96:132-63.
- Stigler, G. 1968. The Organization of Industry. Homewood, Il.: Irwin Press.
- Tarrow, S. 1994. Power in Movements. Ithaca, n.Y.: Cornell University Press.
- Waltz, K. 1979. The Theory of International Politics. New York: Random House.
- White, H. 1994. Identity and Control. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Williamson, O. 1975. Markets and Hierarchies. New York: Free Press.
- . 1985. The Economic Institutions of Capitalism. New York; Free Press.